

Дат з мнстра Мгарского декав[рия].

В подлинном підпис таков:

Звиш именованый полковник лубенский».

(ЦДДАУК. Ф. 137. п. 1. № 127. Арк. 31–31 зв. Тогочасна копія. Внизу документа намальоване коло, всередині якого написано «м[істо] п[ечати]». Запис копіїста перед текстом документа: «Універсал полковника лубенского Ивана Сербина, жеби городские обиватели в Стриганець, под Хицками знайдуючийся, и до рыбной ловлі не интересовалис»).

Дата надходження статті до редакції: 17.04.2019.

Марина Будзар

ORCID iD 0000-0002-3720-7799

УДК 94(477.5)“18”:323.3]:930.25

DOI: 10.28925/2524-0757.2019.1.13

ПОВСЯКДЕННЯ УКРАЇНСЬКОГО ПАНСТВА ДРУГОЇ ЧВЕРТІ ХІХ ст.: ЛИСТ М. МАРКЕВИЧА П. ГАЛАГАНУ

Публікація документа приурочена до ювілеїв двох знаних представників української еліти ХІХ ст. — 200-річчя з дня народження Григорія Павловича Галагана та 215-річчя з дня народження Миколи Андрійовича Маркевича. У листі, що публікується, змальовано тяжкі події сімейної історії Маркевичів — хворобу і смерть батька історика Андрія Івановича Маркевича. Текст містить докладний опис явищ, що передували цій події, та самі обставини смерті А. Маркевича. Зміст документа розкриває ставлення дворянства Лівобережної України до явищ хвороби, смерті, до етичних норм родинного спілкування, до майнових та грошових проблем.

Ключові слова: Лівобережна Україна, Маркевичі, Галагани, сімейна історія, приватне листування, смерть, спадок.

Maryna Budzar

EVERYDAY LIFE OF UKRAINIAN NOBILITY IN 2 QUARTER OF 19 CENTURY: M. MARKEVYCH'S LETTER TO P. GALAGAN

The publication of the document is devoted to the anniversaries of two well-known representatives of the Ukrainian elite of the 19th century — 200th anniversary of the birth of Hryhorii Pavlovych Galagan and the 215th anniversary of the birth of Mykola Andriiovych Markevych. Published letter depicts the serious events of the family history of Markevyches — the disease and the death of the father of historian Andrii Markevych. The text contains a detailed description of the events leading up to the event and the circumstances of the death of A. Markevych. The author addresses to Pavlo Galagan, who is the husband of his aunt (mother's sister). He fully trusts this man. This leads to the frankness of the story. The text includes people from the immediate surroundings of related families of Markevyches — Galagans. This allows us to clarify the personal and psychological characteristics of individual representatives of the Markevyches family. We can notice from the text the remarkable details of the everyday life of the middle-income family of the beginning of the 19th century. We see the arrangement of everyday life, the traditions of everyday communication, the level of provision of medical aid, etc. The contents of the document reveals the attitude of the nobility Left Bank Ukraine to the problem of disease and death, to the ethics of family communication, to property and financial problems.

Key words: Left-Bank Ukraine, Markeviches, Galagans, family history, private correspondence, death, inheritance.

© Київський університет імені Бориса Грінченка, 2019

© Будзар М., 2019

Наративні джерела, передусім епістолярій, залишаються важливим атрибутом в арсеналі сучасної історичної науки, дозволяючи актуалізувати вивчення питань приватного існування людини для аналізу життєдіяльності певної соціальної групи у певному історичному часові.

Зі сторінок епістолярію відкривається, у першу чергу, сімейне повсякдення їхніх авторів, проте за цим шаром родинності постають більш глибокі стосунки на рівні соціального, що вже не раз відзначалося дослідниками. Зокрема, М. Ротері (Mark Rothery) зауважив, що опрацювання сімейного епістолярію має ґрунтовні наслідки для розуміння соціальної історії дворянства у XIX ст. та є засобом вивчення соціального становища історії знаті, причому родинні стосунки — це показник гнучкості та глибини соціальних зв'язків, що відтворює самосприйняття соціальної групи та становище її у суспільстві відповідно до тих спільнот, з якими її представники взаємодіють у повсякденні (Rothery M., 2018. С. 119).

Метою статті є публікація листа, адресованого одним з найвідоміших представників роду Марковичів-Маркевичів, істориком та етнографом Миколою Андрійовичем Маркевичем (1801–1860) до дядька, поміщика Павла Григоровича Галагана (1793–1834), задля поглиблення уявлень про приватне життя лівобережного панства козацько-старшинського походження у другій чверті XIX ст. Цей лист є часткою невеличкої епістолярної групи (шість листів, датованих січнем–березнем 1832 року), що відклалася у фамільному архіві родини Галаганів (ЦДІАК. Ф. 1475. Оп. 1. Спр. 2026. 25 арк.).

Родини Маркевичів і Галаганів на початок XIX ст. були пов'язані генеалогічно, особисто-психологічними симпатіями та місцем переважного проживання.

Спорідненість між цими сімействами була закладена до середини XVIII ст., через представників гетьманських родів першої третини століття — Скоропадських і Апостолів. Прадід адресата листів П. Галагана, Григорій Гнатович Галаган (1716–1777), був одружений із Оленою Дунін-Борковською, чия мати — Параска Данилівна Апостол — була сестрою Анастасії Данилівни Апостол, першої дружини Василя Васильовича Кочубея (?–1743), прапрадіда А. Маркевича (Томазов В., 1994. № 3–4. С. 28). Вдруге П. Апостол вийшла заміж за Михайла Скоропадського, небожа гетьмана, а наприкінці XVIII ст. сестра А. Маркевича П. Маркевич вийшла заміж за Михайла Яковича Скоропадського (1764–1808). Особисто Андрій Іванович Маркевич та Павло Григорович Галаган були одружені із сестрами — відповідно Анастасією та Катериною, дочками Василя Васильовича

Гудовича (1753–1819), чий дід, Василь Андрійович Гудович (бл. 1713–1764) був останнім генеральним підскарбієм Війська Запорізького.

Укріпленню родинно-приватних контактів між сімействами А. Маркевича та П. Галагана сприяла й певна схожість їхніх біографій. Обидва належали до тієї генерації нащадків козацької старшини, яка діяла в імперському просторі. Обидва починали службу в Петербурзі, користуючись протекцією родичів чи земляків. А. Маркевичу кар'єру дипломата допоміг розпочати двоюрідний дядько, імперський сановник В. П. Кочубей (1768–1834). Брати Павло та Петро Галагани, які жили з осені 1807 р. у Петербурзі, користувалися допомогою О.К. Каменецького (1750–1823), одного з найбільш відомих лікарів Петербурга межі XVIII–XIX ст., родом зі Стародубщини. Упродовж життя як А. Маркевич, так і П. Галаган віддали перевагу хазяйнуванню у власних маєтках. А. Маркевич, у 1799–1803 рр. — успішний дипломат, з моменту виходу у відставку 1803 р. обмежував діяльність Прилуцьким повітом, маршалком якого він був у 1815–1818 рр. П. Галаган, будучи з 1808 до 1820 р. службовцем різних державних установ Петербурга (ДАЧО. Ф. 229. Оп. 1. Спр. 73. Арк. 2), після 1820 р. опікувався маєтками на Полтавщині та Чернігівщині, виконуючи обов'язки почесного доглядача повітового училища у Козельці (ЦДІАК. Ф. 1475. Оп. 1. Спр. 1244. Арк. 11).

Ще одним чинником близькості родин став історико-географічний фактор: їхня життєдіяльність була пов'язана із місцевістю навколо Прилук — спочатку центру Прилуцького полку, пізніше — повітового міста. Тут розташовувалася значна частина їхніх земельних володінь. У період, що ним датовані листи сина А. Маркевича Миколи до дядька, — друга чверть XIX ст. — обидві родини мешкали у власних маєтках Турівка та Сокиринці Прилуцького повіту Полтавської губернії. У листах згадується низка маєтків, що належали їхнім родичам: Волошки Скоропадських та Маркевичів (Глухівський повіт) та Качанівка Тарновських (Борзненський повіт) Чернігівської губернії, Васьківці Маркевичів та Скоропадських, Радьковка Раковичів (обидва — у Прилуцькому повіті Полтавської губернії).

Центральною подією листа М. Маркевича від 28.01.1832 р., який публікується, є раптова смерть (внаслідок інсульту) 21 грудня 1831 року його батька, Андрія Івановича Маркевича, що сталася у Турівському маєтку. Відвертість, з якою син померлого звертається до свого дядька (між іншим, різниця у віці між ними була невеликою — 11 років), пояснюється ще й тим, що П. Галаган був розпорядником спадщини померлого, опікувався справедливим розподілом майна для незаміжніх тоді сестер Миколи — Євдокії та Варвари.

Дії в листі, написаному, як гадається, в переддень сороковин смерті А. Марковича, відбуваються впродовж майже півроку — із серпня до грудня 1831 року. Головними персонажами є Андрій Іванович Маркевич та його сестра Пульхерія Іванівна (бл. 1781–?), мати Івана Михайловича Скоропадського (1805–1887), розбудовника паркового комплексу у селі Тростянець, бабка Єлизавети Іванівни Скоропадської (Милорадович, 1832–1890), фундаторки української культури, прабабка Павла Петровича Скоропадського (1873–1945), очільника Гетьманату 1918 р.

Завдяки неабиякому літературному талантові М. Маркевича, лист перетворюється на міні-новелу. З її сторінок повсякдення панської родини у просторі Лівобережної України, що складався, передусім, з життєдіяльності дворянських маєтків і колишніх полкових міст, які після скасування автономії Гетьманату перетворилися за кілька десятиріч на повітові містечка, постає у всій своїй невимуженості, природності, автентичності.

Розповідь М. Маркевича не тільки ілюструє стосунки всередині сімейства, де питання спадщини стає «каменем спотикання» між близькими родичами, але й відтворює дію соціальних механізмів, коли до стосунків всередині родини виявляються дотичними міщани повітового містечка, дворові слуги, наймані працівники, передусім лікарі. Зміст листа унаочнює вплив недуги одного з членів сімейства на повсякдення усіх інших осіб з його оточення, водночас демонструючи, що у ставленні до хвороби та смерті панська спільнота Лівобережної України на початку XIX ст. зберігала ознаки традиційності, нерідко вдаючись до народних засобів лікування, а стан медичного забезпечення залишав цим людям небагатий вибір між «власним» маєтковим лікарем та повітовим доктором.

У листі також міститься безліч подробиць щодо облаштування маєткового побуту поміщиків «середньої руки»: на свята приїздили рідні та знайомі, найчастіше — з сусідніх маєтків, рідше — з Києва, вільний час гості та господарі коротали за вістом, панський

будинок наповнювали слуги (це лакеї господарів-чоловіків, дівчата-покоївки хазяйок-жінок, працівники саду, кухні, економ тощо).

За змістом цього джерела можемо домалювати інтер'єр панського помешкання у Турівці на початку XIX ст.: будинок був двоповерховим, спальні розташовувалися на другому поверсі, тоді як на першому (серед інших) були облаштовані бібліотека, їдальня, «фортепіанна зала». Ці відомості співвідносяться з інформацією інших джерел, завдяки чому маємо детальніше уявлення про головний будинок в дідичному помешканні Маркевичів. Ось, зокрема, як змалював вигляд садиби у Турівці той самий М. Маркевич у «Автобіографічних нотатках» 1845 р., згадуючи свої дитячі враження: «Будинок був досить великим, з мезоніном, утикався заломом у липи, з одного боку була зала, в ній робили килими. Стайня з сінником, мене лякав її трикутний фронтон з темним вікном, звідки нібито виглядав хтось [...]. Наліво від будинку був флігель — чотири кімнати з сіннями; направо — хлібна і кухня кам'яна...» (ИРЛИ РАН. Ф. 488. Дело 38. Л. 48 об.).

Не менш промовисті деталі знаходимо у цьому листі щодо поведінки дворянської родини в момент смерті родича. Зокрема, бачимо, що біля смертного ложа А. Маркевича був присутній священник, але не всі елементи обряду було дотримано — хворого не сповідували (Замура О., 2014. С. 137). Також з тексту дізнаємося, що самим похованням А.І. Маркевича біля садибної церкви був започаткований родинний некрополь в маєтку, безжально зруйнований через сторіччя, у 20ті рр. XX ст. (Будзар М., 2015. С. 272–276).

Якбачимо, «приватний погляд» на повсякдення сімейства Маркевичів, репрезентований у листі Миколи Андрійовича Маркевича до свого дядька Павла Григоровича Галагана, дозволяє уточнити особисто-психологічні характеристики окремих представників роду (А. Маркевич, П. Скоропадська (Маркевич), М. Маркевич та ін.) та розглянути коло проблем, що поглиблюють уявлення про світогляд і маєтковий побут дворянства Лівобережної України другої чверті XIX сторіччя.

ДЖЕРЕЛА

1. Будзар М. Доля сімейних поховань родини М.А. Маркевича у садибі села Турівка Прилуцької округи в 20-ті роки XX ст. у розвідках В.І. Маслова. *Сіверщина в історії України*, 2015. № 8. С. 272–276.
2. Державний архів Чернігівської області. Ф. 229. Оп. 1. Спр. 73. 5 арк.
3. Замура О. «Великий шаленець»: смерть і смертність в Гетьманщині XVIII ст. К. : К.І.С., 2014. 240 с.
4. Институт русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук (ИРЛИ РАН). Ф. 488. Дело 38. 136 л.
5. Томазов В. Маркевичі. *Старожитності*, 1994. № 1–2. с. 24–26; № 3–4. с. 26–28.

6. Центральний державний історичний архів України у Києві (ЦДІАК). Ф. 1475. Оп. 1. Спр. 1244. 51 арк.
7. ЦДІАК. Ф. 1475. Оп. 1. Спр. 2026. 25 арк.
8. Rothery M. Communities of Kin and English Landed Gentry Families of the Nineteenth and Early Twentieth Centuries. *Family & Community History*, 2018. № 2. P. 112–128.

REFERENCES

1. Budzar, M. (2015). Dolia simeinykh pokhovan rodyny M. A. Markevycha u sadybi sela Turivka Prylutskoï okruhy v 20-ti roky XX st. u rozvidkakh V. I. Maslova. *Sivershchyna v istorii Ukrainy*, 8, 272–276 [in Ukrainian].
2. Tsentralnyi derzhavnyi istorychnyi arkhiv Ukrainy u Kyievi (TsDIAK). F. 1475, Un. 1244, 51 p. [in Russian].
3. TsDIAK. F. 1475, Un. 2026, 25 p. [in Russian].
4. Derzhavnyi arkhiv Chernihivskoi oblasti. F. 229, Un. 73, 5 p. [in Russian].
5. Institute of Russian Literature (the Pushkin House), Russian Academy of Science. F. 488, Un 38, 136 p. [in Russian].
6. Rothery, M. (2018). Communities of Kin and English landed gentry families of the nineteenth and early twentieth centuries. *Family & Community History*, 2, 112–128. [in English].
7. Tomazov, V. (1994). Markovychi. *Starozhytnosti*, 1–2, 24–26, 3–4, 26–28 [in Ukrainian].
8. Zamura, O. [2014]. «Velykyi shalnets»: smert i smertnist v Hetmanshchyni XVIII st. K.: K.I.S [in Ukrainian].

1832 года. 28 января, Радьковка

Прежде чем получил я письмо ваше, добрый и почтенный друг мой дядинька, я уже все то почти написал к вам, что вы желаете узнать на счет состояния моих милых сестер. Письмо ваше пришло вчера ко мне, я был в Туровке, а потому не только начать отвечать, но и сообразить не мог, ибо был на выезде в Девичу и в Радьковку, из которой пишу ныне. Бумаг, кроме мне известных, я еще не разбираю, вещей, принадлежащих сестрам, как-то: серебра и тому подобного, не осматривал; я жду пяти недель, и этот срок будет завтра. Так скоро время идет; уже сорок дней, как наш веселый, любезный друг и товарищ, мой отец и благодетель оставил нас навеки, а болезнь и минуты кончины его и теперь еще так памяты душе, что, кажется, все перед глазами! Чтобы обратиться к прежнему, скажу только, что все ключи у меня, равным образом и счета экономические обоих уделов туровских. Особенное письмо приложу вам к сему письму, и в нем объясню все, что относится к состоянию Дунички и Вариньки; ибо я поневоле заведываю всем имением друга нашего, исключая Восковцы, которым занимается уже с июля месяца брат как своим достоянием. Здесь же, начав с корня, от которого произошло наше несчастье 2, по требованию вашему, сколько могу подробно, опишу все причины его, с первой минуты, которая начала губить нашего доброго друга, и до последней, когда мы уже выехали из Туровки.

Батюшка, возвратясь из Полошек в Восковцы для сознания бумаги насчет раздела нашего, не мог отбиться от Пульхерии Ивановны, которой ужас как не хотелось видеть этот акт совершенным. Она уже в Восковцах начала было сцены делать, но была как мною, так и батюшкой остановлена.

Видя невозможность отклонить батюшку от его намерения, она старалась отдалить, по крайней мере, исполнение оною. И таки она поехала с нами в Туровку. Половину августа она провела с нами. Беспрестанные противоречия от нее батюшке до такой степени в короткое время переменили его веселость, что его невозможно было узнать. Он, видя причину, старался избегать ее, не скрываясь в этом до такой степени, что, зная, с каким трудом Пульх[ерия] Ив[ановна] сходит с лестницы, он укрывался от нее в библиотеке и от утра до обеда проводил со мною за трубками. Видя, наконец, что таковые старания и потеря времени ни к чему не приведут, а что бумага все-таки будет сознана, она решилась уехать в Полошки. Батюшка проводил ее до Васьковец, где вдруг занемогла Пульхерия Ив[ановна]. У ней разлилась желчь, и сильная горячка желчная свалила ее в постель. Томанди, доктор Григория Степановича, человек с прелестною, чувствительною душой, с такою же наружностью и таким же воспитанием, начал лечить ее, но она, не принимая никаких лекарств и будучи в беспрерывном волнении от злости или, лучше сказать, от сумасбродного бешенства, изнемогала более и более, деля каждому наглости. Бедной батюшка в это все время почти ни одной ночи не спал. Коль скоро, бывало, уснет, то ночью его тотчас же разбудят по приказанию тетеньки и зовут к ней, она же заставляла его сидеть у своей постели и, коль скоро болезнь,

утихая, позволяла ей говорить что-нибудь, то она или ругала всех, кого любил батюшка, или представляла безумие, помешательство, желая пугать и тревожить его, чему я не могу сомневаться, ибо, говоря о денежных делах, она становилась благоразумною.

Наконец Пульх[ерии] Ив[ановне] легче стало. Томанди советовал батюшке кровь пустить или пивяки приставить, но Пульх[ерия] Ив[ановна] объявила, что это не нужно и даже вредно, ибо у батюшки часто кровь из носа показывалась. Батюшка перед тем заразился, нюхая табак у Риттера, так называемыми «незалечимыми прыщиками», и хотя, вероятно, он знал, что таковое кровотечение нимало не пособляет, да хотя бы и происходило от полнокровия, то от головы его оттянуть было необходимо. Несмотря на то, не желая противоречить Пульх[ерии] Ив[ановне], он не послушал ни моих просьб, ни представлений Томанди. Между тем лицо Томанди наскучило Пульх[ерии] Ив[ановне]. Она обругала его в глаза; и тот, видя конфузию батюшкину и успев уже его полюбить от всей души, простился с ним, а тетушке объявил, что ей уже не нужно медика, что она здорова. Тетушка послала за Шеффером; этот приехал и, увидя, с кем дело имеет, сказал ей, что ездить в Восковцы за далью не может. Это подало ей мысль поселиться в Прилуках, и она исполнила желание свое в половине сентября.

Она заняла квартиру у головы; батюшка остановился через улицу, в гнусном, поутру теплом, а к ночи холодном домике на дворе у Новова. Каждую ночь он должен был переходить через улицу по скользкому изморози и в слякоть. Утром — то же самое. Целый день, с утра до ночи, он сидел на деревянном стуле у головы Пульх[ерии] Ив[ановны]. Изнемогаясь от усталости и грусти, он засыпал сидя и подкладывая под голову подушку, чтобы стена не жала головы. В ту же минуту тетушка толкала его и рассказывала об несчастьях. Если он вставал, чтоб проходиться по комнате, она тотчас говорила ему: «Не ходи по комнате, я не могу видеть этого, у меня голова вертится». Шеффер советовал ему гулять по городу: «Это Вас убьет, добрый Андрей Иванович», — говорил он. Однажды, послушавши Шеффера, батюшка взял свою тросточку, надел теплый сертук, калоши и хотел идти на базар. Тетушка начала говорить, что ее оставляют умирать одну, что она несчастная, что не имеет на свете ни одного родного. Батюшка, беденький, разделся, скинул калоши и сел возле постели. Одно было ему утешение: играть в вист с Шеффером и со мною.

В это время брат Ив[ан] Мих[айлович] приехал и привез из-за границы батюшке и тетушке часы в подарок. Тетушка рассердилась на него за то, что часы у жены его лучшие и, скрыв эту досаду от брата, стала говорить еще больше о несчастьях и о гнусных детях, какие иногда бывают у добродетельных родителей. Страдая телом и душою, он раскладывал гранпасьянс, чтобы тем занять хотя мысли, тоскою, мукою и убийственными, богохульными слезами и жалобами вседневными расстроенные.

Шеффер советовал ему кровь пустить, но тетушка опять его к тому не допустила. Батюшка хотел уговорить ее ехать в Туровку, но она не согласилась, говоря другим, что не хочет видеть, как неблагоприятные дети, получив от отца все имение, живут на его счет и проматывают его. «Чего ты туды поедешь, — говорила она батюшке, — чтобы твои чаи повыпивали, чтобы объедали тебя?».

Между тем настала глубокая осень; батюшка простудился, получил ужасный насморк, и головной, и грудной. Вылечившись от этой болезни, он перешел на одну квартиру с Пульх[ерией] Ивановой. Спальня, занятая им, была такова, что из одной двери несло жар, а из другой — холод. Кровать его выносили на день, на ночь вносили. Другая болезнь пришла вслед за тою: левая нога мледа, и левая рука тоже, зрачки то расширялись, то суживались, и голова кружилась. Иногда, раскладывая карты, он говорил, что у него исчезают они из глаз, и что все лица уменьшаются. Иногда же, тревожась, он рассказывал, что все, кто ни ходят перед ним, растут в глазах его. Потом пришла жестокая головная боль и боль ноги левой столь сильная, что он с трудом наступал на нее. Видя, что покушения бросить кровь ему не могут быть удачны, ибо тетушка знает лечить сама многие болезни, Шеффер уже молчал о кровопускании. Хозяйева удивлялись, говорили, что они от роду не видывали такого брата, каким был наш друг. Уже крестьяне и купцы заметили и говорили, что батюшка не переживет, что он уже замучил себя для сестры. Разумеется, что тут не без ругательств было на последнюю.

Таковая прилуцкая жизнь продолжалась более двух месяцев. Январь приближался; батюшка нуждаться начинал в деньгах. Брат и я принуждены были заниматься хозяйством, чтобы прежде срока обеспечить его деньгами; но мы сговорились не оставлять // его одного, а сменяться. Я приезжал и ждал приезда брата, брат был сменяем мною, Улинька приезжала, коль скоро я уезжал. Лиза все время жила в Прилуках, пока уже в последних числах ноября, приготавливаясь к родам, принуждена была поселиться в Туровке. Тотчас же поехав в Прилуку, и, видя, что и последнее утешение у батюшки отнято, я решился сказать тетушке, что она убьет его, и что один человек, который есть в мире любящий ее, может оставить ее в истинном сиротстве. Трое суток я выбивался из сил, чтобы уговорить к отъезду из города. Наконец пришло мне в голову сказать ей, что, благодаря квартире тамошней, и она умрет непременно. Это было действительно, и 29 ноября на ночь они выехали в Туровку.

Добрый ангел наш обрадовался так, приехав в дом свой, что все лестницы, все комнаты обегал, всякую вещь осматривал по сто раз. Тетушка заняла его спальню, а батюшка — ту комнату, которой пол оббит зеленым сукном, где вы, приезжая в Туровку, останавливаетесь. Именины мы провели тихо, только Корбе и Волжин были. Они ночевали; батюшка играл с ними в вист. За вистом нога у него левая снова разболелась и вспухла в ступне. К тому же он съел немного больше, чем должно, салаты и уж не мог на другой день принять никого постороннего. Дождавшись, пока он совершенно оправился, я 4-го декабря выехал на именины, а 7-го, узнав о болезни Андрюши, поспешил в Туровку и послал // за Шеффером. 8-го Шеффер приехал, и мы играли в вист вечером. Девять робертов сыгравши, мы просились у батюшки проходиться по комнатам, но батюшка не пустил нас и шутил усталостью нашей. Окончив игру, батюшка почувствовал ужасную головную боль, боль такую, что даже вскрикивал. В ту же минуту боль ноги прекратилась, но батюшка говорил, что перед тем он слышал непрерывный звон в ушах. Шеффер спросил его, кидал ли он кровь из ноги, а потом, сказав, что это не худо было бы, замолчал о кровопускании, уверен будучи, что разговор о нем был бы напрасен. Тетушка облила батюшке всю голову мятным маслом; напрасно Шеффер удерживал ее от этого, она отвечала, что не в силах удержаться, чтоб не лечить своим лекарством. Шеффер приставил ему шпанскую муху на спине между лопатками и тем оттянул кровь от головы. 9-го он уехал, батюшке стало легче, а 13-го он встал и гулял по комнатам. Не пил он ничего, кроме бульона, а обедал в спальне тетушкиной. 15-го приехали сын Гудимы и Платон Ив[анович] Кисельский с женою, из Киева. Батюшка был очень обрадован приездом последних, обласкал их, и, лежа у себя в спальне, целый вечер говорил со всеми нами, шутил и был так любезен, каким был всегда. Ходил он весь этот день в колпаке маменькином и повязавшись тем платком, в котором она скончалась. Он говорил, что благодарен Богу за прошлую болезнь и что он мог бы послать еще худшую болезнь, а какую, не хотел назвать.

16-го числа я писал к Вам письмо; батюшка прислал за мною и сказал, что хочет кончить письмо к Вареньке, начатое давно; я подождал с отсылкою на почту, мне принесли его письмо к Вареньке, я отправил. Батюшка сошел с лестницы и побывал у Андрюши. Потом опять потребовал меня и спросил, будет ли за столом московская мадера; я приказал принести ее. Батюшка послал за Гордеем и велел подать себе побриться. Я уговаривал его не беспокоить себя бритьем. «Е! я не хочу ходить таким, как ты, пасечником», — он отвечал. Я стал играть на фортепьяно, пока он брился; услышав его громкий смех, вышел и узнал, что Гордей ему рассказал какой-то смешной анекдот. В колпаке и в платке он пришел в спальню тетушкину. Мне ужасно не нравилось это, вероятно, по предчувствию; я сказал о том, он отвечал: «Да! Я хожу теперь старым инвалидом».

Подали ему бульон, он еще раскладывал карты, когда позвонили к обеду. Он мне поручил угощать гостей наших, и я повел всех к столу, а батюшка пошел к себе. Вдруг он увидел, что кто-то едет в зимней карете шестеркой с форейтором. Он отпер дверь в столовую и сказал с каким-то беспокойством и будто бы с страхом: «Кто-то едет шестеркой с форейтором». — «Верно, Илья Иванович, — сказала Улинька. — «О нет, — отвечал батюшка, — я знаю их лошадей». Хотя меня удивил его голос беспокойный, ибо вы помните его гостеприимство, но после подумалось, что это пустое. Сказал я ему: «Папочка, вы голову простудили и ее же вы высовываете в холодную комнату. Высуньте ногу, а голову спрячьте». Он засмеялся и запер дверь. Человек входит ко мне и говорит, что Ульяна Петровна приехала. Гости-мужчины хотели вставать, но я сказал, что приехавшая не стоит этого, удержал всех по местам, а ее встретил и стал обнимать. Слова и объятия мои после них заставили всех смеяться, я объявил Ульяне Петровне, что батюшка только что выздоровел и что она должна раздеться в маленькой комнате, чтобы не простудить холодными шубами батюшки снова. Она прошла, а я сел опять за стол. Когда подали второе блюдо, подошел ко мне Аркадий и сказал, что просит меня Пульх[ерия] Ив[ановна]. Я полагал, что письмо от Василия Осиповича из Полошек хотела мне прочитать, вышел с салфетой в руках, в фортепьянной меня встретила тетушкина девушка. «А с барином, — сказала мне она, — случилось такое, что, бог знает, и что оно». Я, думая, что они ничего не знают и что это ничего, отвечал: «Пустяки, держи салфетку, я сейчас приду». Подхожу к двери, вижу, что батюшка сидит на полу, Николай стоит за ним на коленях, голова его у Николая лежит на плече, я подошел к нему и стал на одно колено, потом, не смотря ему в лицо, взял его за обе руки. «Папочка, что с Вами?» — Он молчит. — «Друг мой, папочка, что с Вами?». — Он молчит. — «Неужели, батюшка, вы хотите пугать нас, скажите, что с Вами». Батюшка ни слова. Я взглянул пристально ему в лицо, вижу: глаза открытые, рот открытый и в крови лицо. «Подымай его, — сказал я Николаю, — да отнесем на постель к тетиньке. Пульхерия Ив[ановна], увидев необыкновенную перемену в лице моем, выскочила из-за столика да вбежала в столовую, да как крикнула: «Ой, боже мой! Спасайте двух, что-то с братом делается». Как вбежали все в комнату, Лиза об пол, Улинька плачет, гости начали бегать по комнате, я начал просить у Кисельского помощи, чувствуя, что падаю под тяжестью. Потом донесли его до постели и, боясь, чтобы, когда отойдет он от удара, Лизино положение и испуг о ней не возобновил удара, я схватил Лизу на руки,

отнес в другую комнату и, посадив на диван, уговорил не ходить к бабушке, пока не придет она в себя, сказав ей истинную причину, а сам выскочил в коридор. Голос мой, хохот и всхлипывание испугали Улиньку, ибо она услышала их сверху. Она вбежала в коридор за мною и начала было плакать, но я, уговаривая ее, что за меня не тревожилась, выбежал за дверь, послал подставы, собрался с силами, написал к Шефферу, отправил письмо и пришел к бабушке. Он тотчас стал требовать, чтоб его поставили на ноги; я его уговаривал прежде успокоиться, а потом уже и походить по комнате, но он продолжал, что мы его обидим, если не подыдем. Мы подняли его, он, уверясь, что левая нога и левая рука у него не действуют, сказал: «Посадите меня». Тотчас рвоты сделались. Не знаю, кому пришлось в голову дать ему промывательное, но, по словам Шеффера, он бы не застал уже бабушки, если б того не сделали. «Теперь мне лучше, — сказал бабушка. — Идите, дети, обедать». Мы хотели отказаться, но он повторил: «Идите, идите! А не то я еще больше буду беспокоиться; да смотрите ж! Кушайте так, чтоб ничего в тарелках не оставалось». Мы пошли; разумеется, что никто ничего не ел, и мы скоро возвратились к нему, но мы уже нашли, что у него один глаз, именно правый, совсем закрыт, а левый — полуоткрытый.

Шеффер приехал через четыре с половиною часа. Пока он приехал, я успел у Николая и у моего мальчика, который все время там был, расспросить подробно, отчего ему это сделалось, как, где и когда. Вот как рассказали.

Ульяна Петровна приехала и вошла в комнату тетушкину; выслали они бабушку и бросились друг к дружке на шею со слезами. // В эту минуту бабушка вошел в комнату с бульоном в руках; увидев, что они плачут, он поставил тарелку на стол и начал всхлипать. Тетушка сказала ему, чтоб он отставил стол, что она хочет встать. Бабушка поднял его и отставил в сторону. Вы помните большой стол овальный, осокоревый? — «Чего уж ты, бабак, беспокоишься?» — «Я не могу видеть, — отвечал он, — этой нерасчетливой тридцатилетней к тебе привязанности хладнокровно». С сим словом он взял опять бульон, прошел к себе, возвратился и снова стал всхлипать. Потом опять поставил тарелку, хотел было дойти до своей комнаты, но дошел только до зеркала и вдруг оборотился к Николаю: «Николай! Дай мне руку! Я падаю. Не бойся, друг мой сестра, это ничего, это пустой обморок!». Николай, чувствуя, что он падает, посадил его на пол лицом к дверям. Несколько секунд спустя бабушка сказал ему, чтобы он его приподнял; Николай поднял его, бабушка постоял, и потом левая нога у него задрожала. «Осади меня», — сказал он, и его посадил Николай лицом к печке. Я в это время призван был. Надобно вам сказать, что прежде первого удара тетушка ему что-то сказала по-французски, а когда глаз закрылся у него, то это был третий удар. Я полагаю, что эти слова были не что иное, кроме что-нибудь о проигрыше горы с глиною Марье Михайловне Литвиновой.

Когда Шеффер приехал, я ему сказал, что с бабушкой апоплексический удар. Но он не поверил. А увидя его, он на все мои вопросы отвечал, что медик должен помогать человеку, пока он не остынет, и с этими словами заплакал так горько, как только сын мог плакать.

Когда он пробовал пульс, бабушка спросил его: «Вы не Шеффер?» — «Да, Андрей Иванович!» — «Ах, Александр Федорович! Как вы мне нравитесь». Бабушке приставили пиявки к обеим сторонам шеи, к затылку и к пояснице; ему бросили кровь из руки и из ноги. Многие еще лекарства употребили, но ничто не помогло. Томанди тут же был.

Бабушка не лишился языка до самой смерти, он все помнил. Видел только, три раза взял Улиньку за щеку и сказал: «Улинька моя, сокровище мое, настоящее золото!» Увидел моего Ивана: «Вот Иван меня подымет, а вы все нет, меня не подымете». Ему сказали, что Николай сильнее. «О нет, вот Платоша меня славно подымал!». Увидя Ваню, спросил он: «Кто это высокий в конце кровати?». Отвечали: «Иван Михайлович». — «А он здесь?». Брат сказал: «Я узнал, что Вы не очень здоровы и приехал». «Да! — отвечал бабушка, — не очень здоров!» и улыбнулся, потом поманил Ив[ана] Мих[айловича]. Этот поцеловал его в руку, а бабушка пожал его голову у груди своей. Меня и брата Мишу он один раз пожал за руку, но обоих начинал жать как здоровый, а оканчивал с конвульсиями. Однажды, подозревая Шеффера, он спросил у него, подают ли за стол мадеру? Тот, думая, что бабушка говорит в беспамятстве, спросил у него, какая у нас мадера. «Отличная, — ответил друг наш, — к нам из Москвы ее прислали». Много он говорил пословиц малороссийских, русских и латинских. Короче сказать, что он ни ума, ни языка не потерял. Наконец, видя приближение нашей вечной разлуки, я велел позвать священника и его приобщили, не беспокоя, впрочем, исповедью. Он сам как будто бы показывал желание этого, ибо крестился.

Тетушка ж это все время не спала, но зато не давала бабушке умереть спокойно. Подойдет к кровати: «Ох, боже мой, забывается! Посмотрите, что с ним делается!» А однажды он что-то потребовал, только она при нем вдруг говорит: «Посмотрите — у него рожа покривила!», что было ложь, ибо бабушка нимало не был обезображен болезнью.

Трое суток она мучила бедного бабушку таким образом, несмотря на то, что он все слышал лучше нас, здоровых. Но за последнее слово ее Томанди вывел ее из комнаты, свел с лестницы и не

велел впускать наверх. Ульяна Петровна вылила целый стакан клюквенного соку батюшке на лицо. Томанди схватил за руку ее и вывел в другую комнату. — «Мне Пульхерия Ивановна приказала». Томанди топнул и закричал: «Вам? Я не знаю Вашей Пульх[ерии] Ив[ановны]. Вон идите, и чтобы я Вас не видел».

Батюшка скончался во 2 часу пополудни 21-го декабря. 5 суток страдал. Его семь, а иногда и одиннадцать человек переворачивали с боку на бок и с одной постели переносили на другую. Скончался он в своей спальне. Анюта, Аннушка, Томанди и еще одна прачка были при кончине его. Нас Томанди не пустил, мы были внизу, когда по нем заплакали. Его перенесли на ковре в ту комнату, где зеленым сукном пол обит. Там он лежал мертвый. А похоронили друга нашего с приезда возле церкви. Когда он лежал на столе, тетушка заботилась о том, как мы плачем, кто больше плачет, и о том, что ей дурную ветчину прислал Петр Васильевич.

Простившись с мертвым, мы выехали. Томанди и Шеффер вывезли и меня насильно из Туровки. Хотелось мне лично погребти друга моего, но не дали.

Вот последние минуты доброго отца, доброго мужа, доброго сына, доброго брата, доброго соседа, веселого товарища в обществе, образованного, воспитанного человека, красавца, имевшего 48 лет от роду.

Печальное письмо мое удовлетворит, я думаю, Вашему любопытству как любопытству любящего друга. Уже в Секиренцах не будут кричать с радостью: «Андрей Иванович едет!». Андрей Иванович лежит теперь возле Туровской церкви, в пяти аршин длины и в 4 ширины могила над ним. Не менее жаль друзей его; им долго скучать надобно. Потеря невознаградимая.

Одна только любовь моя к Вам принудила меня писать к Вам это ужасное для сердца письмо.

Завтра буду и другим писать. Целую Вас, друг мой дядинька.

Ник[олай] Маркевич.

Центральний державний історичний архів України в м. Києві. Ф. 1475. Оп. 1. Спр. 2026. Арк. 3–10 зв. Друкується вперше.

Дата надходження статті до редакції: 29.05.2019.

Андрій Шаповал

ORCID iD 0000-0003-1188-5142

УДК 930.253:82-6:929(477) (Абрамович Д.І.)

DOI: 10.28925/2524-0757.2019.1.14

СПІВПРАЦЯ Д.І. АБРАМОВИЧА З ВСЕУКРАЇНСЬКОЮ АКАДЕМІЄЮ НАУК ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЕПІСТОЛЯРНИХ ДОКУМЕНТІВ

У статті на основі аналізу епістолярної спадщини українських вчених відображена наукова співпраця історика літератури і мови, археографа та палеографа Д.І. Абрамовича з Всеукраїнською академією наук. Джерелом дослідження стали епістолярні документи українських вчених Д.І. Абрамовича, С.Ю. Гаєвського, О.А. Назаревського, В.М. Перетця й К.В. Харламповича, що збереглися у фондах Інституту рукопису та Інституту архівознавства Національної бібліотеки України імені В.І. Вернадського. Особливу увагу звернено на діяльність Д.І. Абрамовича в Комісії давнього українського письменства Всеукраїнської академії наук. Висвітлена наукова співпраця Д.І. Абрамовича з Товариством дослідників української історії, письменства та мови у Ленінграді, Комісією для складання біографічного словника діячів України Всеукраїнської академії наук, Всенародною бібліотекою України і журналом «Україна».

Ключові слова: Д.І. Абрамович, В.М. Перетц, епістолярні документи, наукова співпраця, філологія, Всеукраїнська академія наук.